

Акт бунта, Глава 9

Собака у дровяного сарая больше не бросается, захлебываясь лаем, из своей будки, звякнув натружено цепью. Трава по меже огорода скользкой тропки мочит босые ноги. Бакунин зашел в летнюю кухню заимки Асташева, где друг его и друг декабриста Пушина, жандармский генерал Я.Д. Казимирский, начальник VII округа жандармов оборудовал свой полевой кабинет. Мишель, приоткрыл дверь и опустившись на ступеньку к земляному полу, спросил: «Можно ли растопить баньку по полному ранжиру. И не будет ли сам генерал париться в довольствии с ним?». Бакунина убивала сырость балок и полатей недотопленной просторной бани, напоминая ему казематы Шлиссенбурга. Безвинная казалась бы просьба.

Генерал, с наброшенной на плечи суконной солдатской шинелью, поднял от рабочего стола склоненную голову. Взгляд его уперся в глаза Бакунина. В них не было всегдашней доброжелательной прищуренности, холодно и жестко стальные глаза смотрели на ссыльного, и только сейчас Бакунин заметил под шинелью зеленый полевой, еще николаевский мундир чиновника, из прекрасной английской шерсти. Бакунин словно споткнулся об этот взгляд. Он хотел, было спросить о своих статьях для журналов «Современник» и «Новый мир», которые пообещал генерал пристроить в столицах, ...но вдруг понял, что тексты – ложь, и чтобы он, Бакунин, с его помощью не опубликовал - все будет ложью, все встроено в систему востребованности и верноподданнической лжи.

Генерал упорно смотрел, презрев все сроки порядочности, и у Бакунина от этой непрерывности потемнело в глазах, - это он спрашивал, это он просил! Мишель вдруг понял, что это взаимное, пронизывающее всех, иерархическое и есть – власть, всеобщее подчинение, доходящее до последнего раба в Империи. Серые глаза наблюдали за ним, и все темнее становилось вокруг, до обморока. Бакунин вступил в кухню, присел на край венского стула. И только когда мимо проема двери на ярком солнечном свете прошла упруго молодая жена Антония, Мишель очнулся. На него вновь, как в добром прошлом, смотрели лучащиеся беззаботной добротой, прищуренные глаза жандармского генерала. Он скривил чувственные губы в усмешке.

Он был всегда с жесткими, аккуратно стриженными волосами, колышущимися на несколько неправильной голове с удлиненным подбородком, и баками Александра II, назвавшийся Яковом Дмитриевичем Казимирским, с золотыми перстнями, прищелкивая пальцами на людях, здоровался за руку, но вел себя, по меньшей мере, странно, цели его поведения были тогда неведомы. И о чем можно разговаривать с собакой хозяина, если есть – сам хозяин. Верного пса не задобришь лестью и сочувствием, когда пес признает лишь вознаграждение хозяина. Для пса важна только охрана собственности хозяина – и все. Ставить его над людьми, значит подвергать людей опасности быть покусанными, когда хозяин скажет «Ату его!». Вот как функционирует власть! «...Поскольку уже одно осознание человеком истины о том, что, говоря словами

античного стоика Эпиктета «дверь всегда открыта», делает человека независимым от власти».

«Жизнь зависит от воли других, смерть же зависит только от нас», - писал еще Монтень.

« Но уж если человек преодолевает эту слабость, то он совершает редкостный поступок - открывается навстречу невозможному. С этой волшебной силой даже слабому можно ничего не страшиться, поскольку все боги сражаются на его стороне».

Ненависть возникла внезапно и теперь переполняла. Это как очищение. Глядя на опасного «фараона», в его самодовольство, Бакунин испытал освобождение. Спокойно перебирал конец поясного шнура своего халата и, наклонившись вперед, непроизвольно и равномерно хлестал им по икрам голых ног.

Деспотизм может обслуживаться только рабами, а от рабов нельзя требовать ни человечности, ни привязанности, ни честности.

Соглашательство слабо, и не будет противостоять в открытую сильной позиции. Остается только власть, а с ней в дискуссии вступать бесполезно, надо готовиться к «войне», умножая ряды сторонников.

Мой «Черный человек» - дно души, это когда уже избавиться не в силах... Внешний мир тогда выглядит как неизбежное зло, вернувшееся навечно. И смерть тогда – добро, избавление.

Акт бунта – Бакунин готов к нему со времен первого, саксонского суда и оглашения смертного приговора по делу Бременского восстания, он совершил свое волевое действие, направленное на социум, освободившее его от дурной бесконечности повседневности, как долготерпение жида в ожидании возврата долга. Бакунин готов к акту смерти. Он убивал на баррикадах и посылал других в бой, и смерть не была для него чем-то особым сакральным.

Противостоять злу мира можем только своей плотью, ибо она принадлежит миру. И чем дальше зло будет пожирать нашу плоть, пить нашу жаркую красную кровь, тем чернее станет наше мщение, непримиримей ненависть к насильникам и государственному рабству.

Если зло организовано, то его уничтожение со своего пути – нравственно. Душу нельзя смять. Добро души и зло власти ведут свой бой на взаимное уничтожение. Стирая в пыль наши тела, ввергая в вонючую жижу безвременной могилы, делая свое «дело и слово» тайно и явно, террором держа в узде народы, голодом и золотом управляя ими, Государство, в лице его чиновников мертвит бессмертные души живых.

Можно уничтожить наши тела, но потушить огонь, испепелить ненависть, развратить души невозможно – они тоже принадлежат этому миру, и чем чернее станут обожженные души и ожесточенней ярость, тем ближе конец ночи, тем ярче вспыхнет новая заря освобождения, и сама смерть костляво улыбнется, видя радость свободы, как на мексиканском фестивале Смерти.

Наша кровь наполнит их чернотой, презренные мертвецы, напитавшиеся нашей ненавистью, превратят свои души в гноище. В грязи роскоши и избытка бессмысленного насыщения захлебнутся они в блевотине, когда гной хлынет в их пустые души.

Мир социума - это взаимоотношение людей с разным интеллектуальным, личностным и иерархическим положением в нем. Случайность встреч людей порой ничем не мотивирована, но автор – на то и автор, - чтобы показать судьбе внутренние пружины, и КАК герои выражают свою экзистенциальную суть в произведении. Может ли личность

брать на себя ответственность за других, не есть ли это ложь, только «воля к власти»? Ведь только за последствия своих поступков может отвечать этическая личность? В мире, построенном на ложных ценностях социума и эгоизме - мораль, долг, национальная принадлежность, преданность традициям, доброта - это самообман и самоуспокоенность. Они держат, погружают человека в «сон Майи», «розовый флер» набрасываемый на спящее сознание. Для действенного духа это смерть. Все, что происходит с личностью в мире, происходит только для само-осознания, иначе вечно будешь «добрым малым», в душе которого уютно свернулся на зимнюю спячку клубок змей, жалящих и убивающих живые души.

Только этическая личность знает, как сохранять собственную волю и дух, ведя вечную борьбу с Роком. Теми, кто не подчиняется себе, управляют другие.